

Дипломатия «Великого шелкового пути» в Центральной Азии через призму японских представлений о безопасности (1992–2009 г.)

Н. Ю. Мурашкин

Введение

Анализируя японскую дипломатию в Центральной Азии, следует принимать во внимание тот факт, что консенсус в отношении ее целей и мотивов пока не достигнут. Одни наблюдатели «дипломатии Великого шелкового пути»¹ (так эта политика значится в дискурсе официального Токио), как и дипломаты, часто указывают на превалирование содействия экономическому развитию, а не геополитических интересов, как основного стимула этой дипломатии. Согласно этой точке зрения, Япония не соревнуется ни с Китаем, ни с Россией в какой-либо «Новой Большой игре»² между великими державами в Центральной Азии. Эту «игру» часто сравнивают с «Большой игрой», происходившей между Российской и Британской империями примерно в том же регионе в конце XIX в. В этом случае участие Японии «доброжелательно», поскольку ее помощь предоставляется в отсутствие чрезмерных амбиций или надежды на взаимность³, в отличие, например, от Официальной помощи развитию (ОПР), направляемой странам Ближнего Востока с целью обеспечения поставок углеводородов. Подобные интерпретации коррелируют с установками, которые в свое время были сформулированы в так называемых доктринах Ёсида⁴ и Фукуда⁵. Их нередко и

¹ Под регионом «Великого шелкового пути» (ВШП) официальный Токио (например, в речи премьер-министра Хасимото Рютаро, провозглашающей «евразийскую дипломатию») подразумевает новые независимые государства Кавказа и Центральной Азии, ссылаясь на их историческую вовлеченность в торговлю на ВШП. Тем не менее, постепенно фактическое употребление этого термина сужалось до стран Центральной Азии. В данной статье термины «Центральная Азия» и «страны Великого шелкового пути» употребляются как синонимы и обозначают пять республик бывшего СССР: Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

² *Kawato, Akio* in Len et al.; Round table East Asian Perspectives on the Architecture of the Global Community at Chatham House, 16 March 2010.

³ *Uyama, Tomohiko* in Len, *Christopher*; *Tomohiko Uyama, and Tetsuya Hirose*, eds. Japan's Silk Road Diplomacy: Paving the Road Ahead, Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008 (http://www.isdp.eu/images/stories/isdp-main-pdf/2008_len-et-al-eds_japans-silk-road-diplomacy.pdf)

⁴ Согласно первому японскому послевоенному премьер-министру Ёсида Сигэру, Японии следовало сделать приоритетом свое экономическое развитие, а дипломатию вести сознательно сдержанно, таким образом доверяя вопросы обороны США.

сейчас излагают японские действующие и вышедшие в отставку дипломаты. Реже такая позиция встречается у иностранных исследователей японской внешней политики или ее стратегии на «Великом шелковом пути» (например, у Майкла Грина или Эсена Усубалиева), равно как и среди бывших японских официальных лиц, специализирующихся в областях, отличных от дипломатии. Необходимо отметить, что разница в толкованиях японской дипломатии ВШП ее экспертами (подчеркивающими отсутствие стратегического видения или геополитических стремлений) и зарубежными учеными (считающими, что у Японии наличествуют как прагматическая стратегия, так и реалистический подход) также присутствует в более общем анализе японской внешней политики и стратегии как таковой.

В этой статье проверяется гипотеза, согласно которой японская центральноазиатская дипломатия, рассматриваемая в общем контексте международной безопасности, воплощает четкие геополитические устремления и стратегическое мышление, при этом необязательно характеризуюсь как часть более широкого конфликта типа «Большой игры». С этой целью излагается эволюция японского стратегического восприятия азиатской и национальной безопасности в период после холодной войны, в частности делается акцент на премьерстве Хасимото Рютаро (1996–1997) и окончании срока правления Абэ Синдзо (сентябрь 2007). Такие временные рамки выбраны, поскольку именно при Хасимото были впервые сформулированы на официальном уровне цели японского вовлечения в Центральную Азию. Далее Асо Таро, возглавляя МИД в кабинете Абэ, выступил с наиболее поздней на данный момент концептуализацией, затрагивающей Центральную Азию в японской дипломатии – а именно, концепцией «Дуга свободы и процветания». В одноименной книге, излагая свои основные взгляды, он посвятил отдельную главу этому обширному региону. В данной статье, в частности, оценивается степень, в какой японская дипломатия в ЦА может быть интерпретирована в отношении таких ключевых вопросов японской внешней политики, как адаптация к меняющейся международной системе с целью сохранения лидирующих позиций, противодействия «дальним» угрозам в рамках концепции «глобальной безопасности» и реагирования на рост влияния КНР.

1. Определение безопасности и стратегии для Японии

⁵ «Доктрина Фукуда» была набором принципов японской внешней политики, изложенными премьер-министром Фукуда Такэо в 1977 г., когда он заявил, что Япония не должна становиться военной державой и должна строить равноправное сотрудничество с АСЕАН и другими странами Юго-восточной Азии. Однако после начала войны между Кампучией и Вьетнамом, Япония решила поддержать АСЕАН и продемонстрировала прохладное отношение к официальному Ханю. *Nishihara, Masashi*. East Asian Security and the Trilateral Countries. A Report to the Trilateral Commission. New York, 1985, p.16.

Понятие национальной безопасности является основной концепцией в неореалистской парадигме теории международных отношений⁶. Согласно этому теоретическому подходу, государства в анархичной международной структуре следуют принципу «помоги себе сам» и стремятся обеспечить выживание как минимальное требование для достижения дальнейших целей. По сравнению с реалистской парадигмой, в неореалистском варианте государства стремятся обеспечить скорее безопасность, нежели баланс сил⁷. В международных отношениях безопасность традиционно рассматривалась как защита государства от вооруженного нападения⁸. Однако, впоследствии, особенно после «холодной войны», ее различные невоенные измерения вышли на первый план, такие как устойчивость перед экономическими кризисами, охрана окружающей среды, борьба с международным терроризмом, преступностью, масштабными эпидемиями⁹. Это стимулировало концептуализацию темы безопасности в альтернативных парадигмах, в частности, конструктивистской, один из представителей которой, Оле Уэвер, выдвинул следующее определение: «безопасность – это возможность общества сохранять свой особый характер, несмотря на меняющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы»¹⁰.

Государства прибегают к определенным стратегиям, чтобы поддерживать такую возможность. Понятие стратегии, в свою очередь, тоже весьма вариативно, в рамках данной статьи будет использоваться следующее его определение: «стратегия – это наука (если акцент делается на знании или методе) или искусство (если акцентируется опыт) добровольного, целенаправленного и комплексного человеческого действия». Цель стратегии – придать осознанный и просчитанный характер решениям, за счет которых планируется успешно провести в жизнь ту или иную политику¹¹.

Предметом продолжающейся дискуссии среди исследователей японской политики¹² является вопрос о том, есть ли у Японии нацио-

нальная стратегия как атрибут «нормального государства», и является ли она таковым государством, особенно в том, что касается ее положения в международной политике. Консенсус в этой области довольно ограничен. Многие зарубежные авторы (например, Майкл Грин, Кеннет Пайл, Гилберт Розман, Ричард Самуэльс) склонны считать, что официальный Токио обладает стратегическим видением, тогда как многие японские исследователи¹³ рассматривают Японию как страну, которой не достает такого стратегического видения (например, Тадокоро Масаюки, Ириэ Акира, Тамамото Масару, политик Одзава Итиро). Аналогичный водораздел можно наблюдать и в исследованиях, касающихся японской внешней политики в Центральной Азии. В случае если Японии приписывали наличие международной стратегии, то она характеризовалась учеными как проистекающая из собственного восприятия уязвимости (*фуан*), адаптивная и реактивная.

В понимании того, какие политические действия могут считаться стратегическими, данное исследование опирается на подход, отраженный в коллективной монографии «Japanese Strategic Thought toward Asia». Оценивая стратегический характер современной японской политики в Азии, авторы исследования выделяют следующие критерии стратегичности мысли. «Мы задаемся вопросом, в какой степени мышление было нацелено на то, чтобы сделать Японию более безопасной, процветающей и уважаемой. Также мы учитываем, насколько оно было направлено, во-первых, на успокоение японской общественности, а не на ее встряску, во-вторых, на разрешение признанных проблем, а не на их откладывание или обострение и, в-третьих, на организацию процесса внутренней дискуссии и зарубежных консультаций. Эти критерии выделяют преследование долгосрочных целей, уравнивание расширения влияния Японии за рубежом с успешным завоеванием доверия и избеганием чрезмерной зависимости с признанием необходимости усиленной взаимозависимости»¹⁴.

власти в сентябре 2009 г. после первой победы Демократической партии Японии на парламентских выборах. См. пресс-конференцию премьера Хатояма от 16 сентября 2009 г. (http://www.kantei.go.jp/foreign/hatoyama/statement/200909/16kaiken_e.html). Абэ Синдзо в начале своего срока намеревался учредить Совет по национальной безопасности, однако этот план не был претворен в жизнь в его правление.

¹³ У этого разделения есть характерные исключения, одним из которых является Нисихара Масаси. Он последовательно подчеркивал стратегический характер японской внешней политики по отношению к странам ЮВА, хотя и с упором на экономические средства. См. *Nishihara, Masashi*. East Asian Security and the Trilateral Countries. A Report to the Trilateral Commission. New York, 1985, p.16–18; *Hucuxapa Macacu*. Сэнряку кэнкю но сикаку. Андзэн хосё сэнряку докxон: Хэйва то андзэн но тамэ но дзю ни сё. (Перспектива стратегических исследований. Хрестоматия политики в области безопасности: Двенадцать глав во имя мира и безопасности). Токио, 1988, с. 186–87.

¹⁴ *Rozman, Gilbert, Kazuhiko Togo and Joseph P. Ferguson*. Japanese strategic thought toward Asia. New York, 2007, p. 2.

⁶ Основные работы: *Kenneth Waltz*. Theory of International Politics, 1979; *John Mearsheimer*. The Tragedy of Great Power Politics, 2001; *Stephen Walt*. The Origins of Alliances, 1987.

⁷ Основные работы: *Hans Morgenthau*. Politics among nations, 1948; *E.H. Carr*. The Twenty Years' Crisis, 1939; *Reinhold Niebuhr*. Christian Realism and Political Problems, 1953.

⁸ *de Montbrial, Thierry*. L'action et le système du monde [Action and the world system]. Paris: Presses Universitaires de France-Quadrige, 2002, p. 218.

⁹ *Ibid.*, p. 219.

¹⁰ *Ole Wæver, et al.*, Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe. London, 1993, pp. 17–40. Цит. по: *de Montbrial, Thierry*. L'action et le système du monde [Action and the world system]. Paris: Presses Universitaires de France-Quadrige, 2002, p. 219.

¹¹ *de Montbrial, Thierry*. L'action et le système du monde [Action and the world system]. Paris: Presses Universitaires de France-Quadrige, 2002, p. 129.

¹² Примечательно, что первым послевоенным министром, сформировавшим специальное государственное учреждение, которое бы ведало вопросами национальной стратегии (Кокка сэнряку кёку, или Агентство по национальной стратегии) был Хатояма Юкио, пришедший к

Какой выбор стратегий безопасности есть в японских теориях? Согласно неореалистской парадигме, ввиду неуверенности в намерениях других государств в международных отношениях присутствует недостаток доверия, называемый «дилемма безопасности». При столкновении с этой дилеммой стратегические ответы государств на воспринимаемые угрозы могут принимать различные формы: «вовлечение» (engagement), «балансирование» (balancing), «перестраховка», или «хеджирование» (hedging), «следование за более сильным [государством]» (bandwagoning) или комбинацию нескольких из них. Вовлечение можно характеризовать как «усилия по расширению обменов и контактов с помощью положительных и не принудительных средств», часто пересекаясь с мягкими опциями умиротворения или компромисса¹⁵. Балансирование может выражаться в виде «демонстрируемого обязательства сдерживания или срыва роста державы-соперника путем наращивания сил»¹⁶ (внутреннее балансирование), заключения союзов и/или превентивной войны¹⁷ (внешнее балансирование). Перестраховку можно рассматривать как вариант внутреннего балансирования. Она является выбором государства, предпочитающего осторожные действия дерзкому упреждению¹⁸. Следование за сильнейшим – вариант перестраховки, означающий или принятие стороны сильнейшей державы для раздела «прибыли» и получения «ренты» (то есть, наступательное «следование») или присоединение к державе, которая намеревается оспорить доминирование гегемона, считающегося большей угрозой (так называемое оборонительное «следование»)¹⁹.

После окончания «холодной войны» внешнеполитический курс Токио включал в себя все перечисленные составляющие. Это может считаться критерием нормальности рационального государственного актора в рамках парадигмы реализма, согласно которой государственные стратегии появляются естественно, будучи почти предписанными конъюнктурой²⁰. Согласно Ричарду Самуэльсу, японская дипломатия в целом интерпретировалась как предпочитающая перестраховку, а также следование. Вместе с тем ее позиция по отношению к росту Китая была охарактеризована южнокорейским исследователем Чон Чжэ Хо как комбинация балансирования и вовлечения. Как указывает Самуэльс,

¹⁵ Chung, Jae Ho. East Asia Responds to the Rise of China: Patterns and Variations. Pacific Affairs: Volume 82, No.4, Winter 2009–2010, p. 660.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Samuels, Richard J. Securing Japan. Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia, NY., 2007, p. 7.

¹⁹ Chung, Jae Ho. East Asia Responds to the Rise of China: Patterns and Variations, Pacific Affairs: Volume 82, No.4, Winter 2009–2010, p. 660–661.

²⁰ Soeya Yoshihide, Masayuki Tadokoro, and David A. Welch, eds. Japan as a Normal Country? A Nation in Search of its Place in the World. Toronto, 2011, p. 16–19.

уже с эпохи Токугава и особенно после вступления Японии в международную политику при императоре Мэйдзи страна занимала сторону государства, которое она считала на тот момент доминирующим (т. е. следовала за сильнейшим): Нидерландов, Великобритании, Германии и США. Со структуралистской точки зрения (неореализм еще называют «структурным реализмом» за акцент на определяющее влияние международной структуры на поведение государств), со времен Мэйдзи Япония стремилась обеспечить высокое положение в международной иерархии, возглавляемой западными державами. Она продолжила этот курс и после Второй мировой войны. Но теперь Япония прибегала преимущественно к экономическим средствам, учитывая конституционный отказ от войны как способа разрешения международных споров и оборонный союз с США²¹. В то же время такая интеграция и институционализация с Западом, отраженная, например, в членстве в Трехсторонней комиссии, необязательно предполагала согласование с Западом японской внешней политики. Япония перестраховывалась от европейского и американского протекционизма поддержкой региональной экономической интеграции в Восточной Азии²². Самуэльс назвал такой подход «консенсусом Златовласки»²³: «большая стратегия, не являющаяся не слишком жесткой, но и не слишком мягкой, не чрезмерно азиатской и не чересчур западной»²⁴. Автор данной статьи развивает тезис, согласно которому по отношению конкретно к Центральной Азии японская дипломатия после распада СССР сочетала вышеописанные элементы «перестраховки» и «следования».

Указанные модели выбора стратегии преимущественно касаются поведения государства по отношению к угрозам, воспринимаемым от других государственных акторов. Однако после «холодной войны» в мировой политике возросло число негосударственных акторов (например, транснациональные экстремистские сети, подобные Аль-Каиде) и угроз международной безопасности, исходящих от них. Угрозу представляют и глобальные проблемы, такие, как ядерное распространение, неравный доступ к энергетическим ресурсам, первостепенно важный для поддержания роста в развивающихся экономиках. В связи с этим поведение Японии как государственного участника международных отношений следует рассматривать не только сквозь парадигму неореа-

²¹ Arase, David. Buying Power. The political economy of Japan's Foreign Aid London, 1995, p. 204–205.

²² Samuels, Richard J. Securing Japan. Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia. NY., 2007, p. 8.

²³ Златовласка – имя главной героини западного варианта сказки о трех медведях. «Консенсус Златовласки» в англоязычной академической литературе отсылает к ситуации в сказке, где героиня обнаруживает по три предмета разного размера, из которых один оказывается не больше и не меньше, а «в самый раз».

²⁴ Ibid., p. 9.

лизма как набор стратегий, нацеленных на обеспечение безопасности по отношению к другим государствам, но и со структуралистской точки зрения международной политической экономии – как стремление повысить свой статус в международной системе, где главенствует Запад²⁵.

С 1991 г. возросло внимание исследователей к неореалистским интерпретациям японской дипломатии как сочетающей реалистический курс в области безопасности и меркантилистскую экономическую политику (иногда воспринимаемую как агрессивную²⁶). Подвергались критике прежде доминировавшие либерально-идеалистические воззрения²⁷, которые отмечали демократичность, элитистский меркантилизм Японии²⁸ и самоограниченность пацифистскими нормами, подобными 9-й статье Конституции²⁹. Принятие послевоенной Японией либерально-демократической модели развития, называемой «К миру и счастью через экономическое развитие и демократию»³⁰, и ее значительные арсеналы «мягкой силы» до сих пор оказывают ощутимое воздействие на формулирование внешней политики страны. Они активно используются влиятельной группой так называемых «среднедержавных интернационалистов» (middle-power internationalists) с 1990-х годов, к которым после 11 сентября 2001 г. присоединились меркантилисты и сторонники сближения с Азией³¹.

В соответствии с либеральной парадигмой международных отношений и ее «теорией демократического мира», постулирующей редкость войн между демократиями, Япония может рассматриваться как демократическая рыночная экономика и ответственный «глобальный гражданин», стремящийся способствовать демократизации, социально-экономическому развитию и рыночным реформам во всем мире, и в частности в Азии, включая Центральную Азию. Таким образом, современные японские представления о международной безопасности не

могут сводиться к предотвращению потенциальных конфликтов с другими странами за счет достижения паритета с их могуществом. Они включают в себя также стремление внести вклад в демократию и процветание в целом как залог более мирного международного сообщества, в котором Япония, будучи крупным экспортером, может обеспечить и укрепить свои торговые позиции.

В данной статье отдается предпочтение толкованию японской политики в Центральной Азии в рамках неореалистской и либеральной парадигмы ввиду их комплиментарности, а также в контексте внутривнутриполитических перемен в Японии. Один из примеров подобного комбинированного подхода – «аналитическая эклектика», предложенная Питером Катценштайном³². С одной стороны, эти два эпистемологических подхода опираются на общую посылку: восприятие японской элитой своей страны в международной структуре как уязвимой и опасющейся изоляции. С другой стороны, исключительно неореалистская интерпретация свела бы отношения Японии с другими государствами к «игре с нулевой суммой», недооценивая влияние структурных факторов, затрудняющих внутренний процесс принятия решений, например, частоты бюрократических перестановок и недостаточного взаимодействия между различными ведомствами (например, Министерством иностранных дел и Министерством финансов). Кроме того, такой взгляд чреват излишне антропоморфным восприятием Японии как монолитного актора. Напротив, чрезмерно либеральный взгляд может быть легко оспорен интерпретациями современной японской внешней политики в прагматическом и реалистском ключе, особенно после 1991 г.

2. Ранние отношения между Японией и Центральной Азией: структурное «следование за сильным»?

Низкая приоритетность Центральной Азии на внешнеполитической повестке дня Токио может объясняться такими факторами, как отсутствие территориальной близости в отличие от России или Китая, отсутствие истории тесных отношений и относительно второстепенное место региона в системе международной безопасности. Согласно основополагающему документу «Основные направления программы национальной обороны» 2004 г., в то время ядерный статус КНДР, нерешенные территориальные споры с Китаем, Республикой Корея и Россией, а также неопределенность в отношениях между КНР и Тайванем признавались зоной ее непосредственных рубежей обороны³³. В конце XX в. японские представления о безопасности постепенно эволюционировали от концепции «всеобъемлющей безопасности» (*сого андзэн*

²⁵ Ibid.

²⁶ Sato, Yoichiro and Hirata Keiko, eds. Norms, Interests, and Power in Japanese Foreign Policy. New York, 2008, p. 11.

²⁷ Keohane, Robert O. and Nye, Joseph S., Power and Interdependence: World Politics in Transition, 1977.

²⁸ Этот термин был введен в оборот Косака Масатака, политологом и биографом премьер-министра Ёсида Сигэру, с целью представить оптимальную стратегию для Японии – подобно Венеции в XIII в. и Голландии в XVII в., процветавшим во время поддержания мира другими государствами. Косака в частности считал, что наличие флота для защиты морских коммуникаций как таковое не делало эти государства чрезмерно агрессивными. Цит. по Samuels, Richard. Securing Japan: The Current Discourse, The Journal of Japanese Studies 33.1, 2007, p. 125–52.

²⁹ Sato, Yoichiro and Hirata Keiko, eds. Norms, Interests, and Power in Japanese Foreign Policy. New York, 2008, p. 9–11.

³⁰ Aco, Taro. Дзю то ханъэй но ко (Дуга свободы и процветания). Токио, 2007, с. 225.

³¹ Samuels, Richard J. Securing Japan. Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia. NY., 2007, p. 14.

³² Suh, J. J., Katzenstein, Peter J., and Carlson, Allen, eds. Rethinking Security in East Asia. Identity, Power, and Efficiency. Palo Alto, CA: Stanford University Press, 2004.

³³ http://www.mod.go.jp/e/d_policy/pdf/national_guideline.pdf

хосё) 1980-х годов, ставящей акцент на экономических средствах дипломатии (включая ОПР, особенно в отношении азиатских соседей страны), до восприятия безопасности в глобальном масштабе.

Это особенно проявилось после 11 сентября 2001 г., когда премьер-министр Коидзуми Дзюньитиро посетил США с тем чтобы выразить свою поддержку в борьбе с терроризмом. Помощь Японии, выразилась в частности, в организации дозаправочной миссии для кораблей коалиции Международных сил содействия безопасности в Афганистане и в направлении гуманитарного контингента Сил самообороны в Ирак. Однако начало этой тенденции было положено еще при правлении Хасимото Рютаро. Он настаивал скорее на ситуационном толковании сотрудничества в области безопасности с США, нежели географическом, которое свело бы такое сотрудничество строго к Дальнему Востоку³⁴.

Перед тем, как рассматривать евразийские инициативы Хасимото и более поздние концепции безопасности в расширяющемся глобальном масштабе, уместно вспомнить предшествовавшие стратегические концепции, начиная с окончания Второй мировой войны. Они соответствовали пяти основным этапам. Первый этап политолог Иноуги Такаси описывает как «битву между сторонниками и противниками оборонного альянса» в 1945–1960 гг. Эта фаза, большая часть которой пришлась на американскую оккупацию, была отмечена прагматизмом премьер-министра Ёсида и острой внутриполитической дискуссией о том, как вести дела с США. Его преемник Хатояма Итиро, попытался дистанцироваться от США и восстановить отношения с СССР, однако с ограниченным успехом³⁵. Поворотным моментом стал 1960 г., когда премьер-министру Киси Нобусукэ удалось добиться пересмотра договора безопасности, несмотря на сопротивление общественности, особенно с левого фланга политического спектра. Договор надолго заблокировал нормализацию отношений с СССР, оставшимся основной угрозой безопасности Японии до 1991 г.³⁶

Второй этап – с 1960 г. по 1972 г. характеризовался максимально сдержанной политической позицией и сосредоточенностью на экономических приоритетах (*сэйкэй бунри*) доктрины Ёсида. В 1960 г. премьер Икэда Хаято провозгласил десятилетний план удвоения доходов, способствовавший японскому экономическому чуду, которым страна воспользовалась для нормализации отношений с соседними азиатскими государствами посредством «дипломатии чековой книжки». В глобальном масштабе Япония заявила о себе, как об ответственном гражданине

мира, оказывающем существенную поддержку ООН. В области безопасности Япония, по выражению генерала Шарля де Голля, пользовалась «бесплатной ездой» (*free riding*) в рамках союза с США, противостоявшего экспансии коммунистических режимов в Азии³⁷.

Однако в 1972–1973 гг. американский президент Ричард Никсон резко улучшил отношения с КНР, поставив официальный Токио перед фактом, что впоследствии в Японии называли «шоком Никсона». В связи с этим в 1970-х годах японское руководство решило сосредоточиться на многосторонней дипломатии, продолжая налаживание доверительных и партнерских отношений с соседними государствами, в частности в регионе Юго-Восточной Азии.

Проявив колебания во время нефтяного кризиса 1973 г. Япония постепенно стала эволюционировать от «ездок» к системному помощнику американоцентричной международной системы, что достигло кульминации в 1980-х годах. В это время произошла активизация оборонительного союза, вызванная очередным витком напряженности в «холодной войне»³⁸, и тесными отношениями между президентом Рональдом Рейганом и премьером Накасонэ Ясукиро. Вместе с тем, в начале 1980-х годов произошло развитие новой концепции «всеобъемлющей безопасности». Этот подход к обеспечению национальной безопасности предполагал больший акцент на экономических и дипломатических средствах, чем на военных³⁹.

Невоенный аспект этой стратегии был в дальнейшем расширен в 1988 г. в рамках Инициативы международного сотрудничества премьера Такэсита, сфокусированной на большем вкладе Японии в поддержание международного мира, увеличении Официальной помощи развитию и способствовании международным культурным обменам. Эта инициатива была подхвачена преемниками Такэсита – Кайфу и Уно⁴⁰. После распада СССР в 1991 г. и становления отношений между Японией и пост-советскими государствами, последние две основы указанного международного сотрудничества проявились и в японской дипломатии по отношению к Центральной Азии.

С изменением международной обстановки в сфере безопасности по окончании «холодной войны» понятие национального интереса вышло на первый план в японских внешнеполитических дискуссиях, принимавших все более реалистическую тональность. Геостратегические мотивы существовали параллельно с культурной дипломатией и ОПР на первых порах налаживания отношений между Японией и странами Великого

³⁴ Rozman, Gilbert, Togo Kazuhiko and Ferguson Joseph. P. Japanese strategic thought toward Asia. New York, 2007, p. 85.

³⁵ Green, Michael J. Japan's reluctant realism. New York, 2001, p. 14.

³⁶ Rozman, Gilbert, Togo Kazuhiko and Ferguson, Joseph P. Japanese strategic thought toward Asia. New York, 2007, p. 37–39.

³⁷ Ibid., p. 39–40.

³⁸ Ibid., p. 40.

³⁹ Akaha, Tsuneo. Japan's Comprehensive Security Policy: A New East Asian Environment. Asian Survey, Vol. 31, No. 4 (Apr., 1991), University of California Press, p. 324.

⁴⁰ Ibid., p. 328.

шелкового пути. По мнению исследователя Райнхарда Дрифте, одним из главных мотивов пришествия Японии в Центральную Азию в начале 1990-х годов было ее опасение изоляции, вытекающей из сближения между странами бывшего социалистического блока и западными структурами в области безопасности, например, СБСЕ, принявшем в 1994 г. организационную форму ОБСЕ, и инициативами НАТО: Советом североатлантического сотрудничества и Партнерством во имя мира⁴¹. Сотрудничество не ограничивалось только европейской частью бывшего СССР и Организации Варшавского договора. Страны Центральной Азии и Кавказа стали членами ОБСЕ (в январе 1992 г., за исключением Грузии, принятой в марте того же года) и партнерами НАТО (в середине 1994 г., Таджикистан присоединился только в 2002 г.).

С исчезновением СССР как основной угрозы безопасности Японии во время «холодной войны» обстановка изменилась, потребовав адаптации восприятия *фуан* политическим истеблишментом к новой конъюнктуре. Япония отреагировала принятием статуса ассоциированного члена ОБСЕ, где она считалась провайдером мягкой безопасности ввиду ведущего положения чистого донора ОПР не только во всемирном масштабе, но и в регионе Великого шелкового пути, в частности.

В численном отношении сравнительная стоимость ОПР Токио в Центральной Азии по отношению к ОПР Вашингтона стремительно возросла с 36% в 1994 г. до 108% в 1997 г.⁴² Более того, Япония способствовала принятию стран региона в международные банки развития. С ее помощью бывшие советские республики вступили не только в Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), основанный для поддержания переходной экономики в постсоциалистических странах, но и в Азиатский банк развития (АБР), где Япония является ведущим спонсором, одним из двух крупнейших акционеров наряду с США и председателем с момента создания банка в 1996 г.⁴³. Такое параллельное членство являлось беспрецедентным⁴⁴. Стремление догнать западные страны по росту влияния в регионе Центральной Азии логично укладывается в идею «следования» и подтверждения места Японии на вершине международной иерархии после произошедших перемен. Интересно отметить и активную историческую роль Японии в развитии АБР и привлечении стран Юго-Восточной Азии, по мере того как Япония

стремилась вернуть доверие с соседями, пострадавшими от японского империализма⁴⁵.

В случае с Казахстаном еще одним мотивом развития сотрудничества была денуклеаризация этой среднеазиатской страны, возникшей, как независимая ядерная держава полного цикла после распада СССР⁴⁶, имеющая неучтенные и недостаточно охраняемые ядерные запасы⁴⁷. Приверженность Японии принципам нераспространения ядерного оружия является частью ее дипломатии. Сотрудничество с Казахстаном в атомной сфере постепенно развилось в партнерство по добыче и поставкам урана, имеющее особую важность ввиду тогдашней зависимости японской электроэнергетики на 25% от атомной генерации⁴⁸.

Основания для более близких отношений с центральноазиатскими республиками не ограничивались политико-экономическими вопросами, но и включали в себя культурное и, в некоторой степени, романтическое измерение. Согласно известной теории С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций»⁴⁹, после завершения глобального идеологического противостояния одним из сценариев развития мировой политики стала новая перегруппировка ее акторов вдоль цивилизационных границ. Россия и Восточная Европа стали частью Новой Европы. Странам Центральной Азии удалось одновременно войти в евроатлантические структуры и возродить чувство культурной близости с другими азиатскими государствами. По аналогии с налаживанием контактов между Турцией и тюркскими народами региона Япония стала острее осознавать культурные, цивилизационные узы с Центральной Азией. Этому способствовало общее монгольское и северо-восточное азиатское историческое наследие⁵⁰. В течение 1980-х годов японский телеканал NHK показал серию из тридцати документальных фильмов, посвященных истории Великого шелкового пути, снятых совместно с Центральным телевидением КНР.

Япония выступала особенно выгодным партнером для стран региона. Она рассматривалась местными лидерами, которым нередко вменялись в вину авторитарные тенденции, как страна нейтральная и менее требовательная в вопросах демократизации и прав человека, что выразилось в гораздо меньшей зависимости ее экономической помощи региону от

⁴⁵ Funabashi, Yoichi. Asia Pacific Fusion. Japan's role in APEC. Washington D.C.: Institute for International Economics, 1995, p. 228.

⁴⁶ Интервью с профессором Сиддхартмом Саксена (Кембриджский университет, май 2010).

⁴⁷ Half a Ton of Uranium – and a Long Flight. Washington Post, 21.09. 2009.

⁴⁸ Japan signs nuclear pact with Kazakhstan, Reuters, 02.03. 2010: (<http://uk.reuters.com/article/idUKTOE62107I20100302>)

⁴⁹ Тезис Хантингтона пользовался популярностью в первой половине 1990-х гг., однако впоследствии эта теория была многократно оспорена историческими событиями, например, евроатлантическими устремлениями Украины, Грузии и Сербии в начале нового века.

⁵⁰ Hickok, Michael Robert. The Other End of the Silk Road: Japan's Eurasian Initiative. Central Asian Survey 19, no. 1 (2000), p. 25.

⁴¹ Akiner, Shirin, ed. The Caspian: politics, energy and security, School of Oriental and African Studies Central Asia research forum. London, 2004, p. 279.

⁴² Hickok, Michael Robert. The Other End of the Silk Road: Japan's Eurasian Initiative. Central Asian Survey 19, no. 1 (2000), p. 24.

⁴³ Asian Development Bank and Japan, fact sheet, p. 1–6 (http://www.adb.org/Documents/Fact_Sheets/JPN.pdf)

⁴⁴ With Oil and West's Appeals in Mind, Tokyo Plans for Central Asia, International Herald Tribune, 16.12. 1992. Quoted from Akiner, p. 280.

внутриполитической ситуации его стран. Принятие японской модели политического и социально-экономического развития 1950–1970-х гг. предполагало для центральноазиатских республик большую независимость от Европы и США, строго подходящих к проведению реформ в соответствии с западными моделями.

Кризис японской «экономики мыльного пузыря» и последовавшее «потерянное десятилетие» воспринимались центральноазиатскими лидерами скорее как плата за прогресс и как один из многих возможных сценариев, нежели как неизбежный этап «японского пути». Неудивительно, что главы государств Казахстана и Узбекистана, имевшие претензии на региональное лидерство, объявили о своей ориентации на японскую модель развития в рамках поддержания равновесия между различными державами, имеющими интересы в Центральной Азии. Медиа-дискурс центральноазиатских республик, касавшийся отношений с ЕС, США и Японией, подчеркивал предпочтение азиатских ценностей европейским⁵¹. Эти ценности вкупе с соответствующей моделью развития предполагали, что демократизация следует за становлением рыночной экономики, по аналогии с Южной Кореей⁵². В случае восточноевропейских стран (Чехословакии, Венгрии и Польши) демократизация и рыночные реформы предусматривали одновременное осуществление⁵³.

В начале становления отношений с новыми независимыми государствами Центральной Азии профессиональное регионоведческое знание об этих странах в Японии было ограничено, как и число дипломатов с соответствующей компетенцией. Подобная ситуация возникла в период «холодной войны» когда в МИД преобладали кадры со специализацией американистов и, в меньшей степени, китаистов. Страны западной Азии обозначались на дипломатическом жаргоне как «к западу от Бирмы», и многие дипломаты старались избегать в своей карьере командировок в этом направлении. Распад Советского Союза был сравнительно «менее очевиден» для Японии, в отличие от ее союзников в Западной Европе. На Дальнем Востоке границы и территориальные проблемы остались прежними – сосед просто сменил название на «Российскую Федерацию»⁵⁴. Этот контекст объясняет причины замедленного темпа расширения присутствия Японии в Центральной Азии в начале 1990-х годов. Несмотря на разнообразные проекты в области развития, первое офи-

циальное «укоренение» Центральной Азии на внешнеполитической повестке дня Токио произошло в 1997 г. при Хасимото.

3. Евразийская дипломатия Хасимото

В середине последнего десятилетия XX в. японская политика в отношении Китая изменилась на более консервативную и осторожную. Официальная оценка Японией потенциальной китайской угрозы стала более отчетливой, когда одобренная правительством Программа национальной обороны 1995 г. озвучила косвенную отсылку к Китаю и соответственно выделила необходимость усиления оборонительного альянса с США. Договор о союзничестве был продлен в 1996 г. и повысил роль Японии. Последующие японские «Белые книги по обороне» делали акцент на баллистических ракетах КНР. Параллельно с этим японская ОПР Китаю подпала под более строгий контроль, тогда как ее объем был сокращен⁵⁵.

24 июля 1997 г. премьер-министр Хасимото выступил с речью перед Японской ассоциацией предпринимателей (*Кэйидзай Доюкай*), в которой он поместил японскую политику в отношении России, Китая и бывших республик СССР под новую зонтичную концепцию «Евразийской дипломатии». В речи был использован термин «СНГ», включавший на тот момент все бывшие советские республики кроме Прибалтики. Хасимото конкретно упомянул «регион Великого шелкового пути, охватывающий центральноазиатские республики и страны Кавказа»⁵⁶ и не включающий Белоруссию, Молдову и Украину.

Полное название новой политики Хасимото – «Евразийская дипломатия со стороны Тихого океана». Тихоокеанское измерение здесь важно, поскольку контекст выступления предполагал реагирование Японии на уже имеющие место действия со стороны атлантических держав в отношении новых независимых государств. Хасимото признал, что внимательно наблюдал за новой архитектурой безопасности, возникающей в странах с переходной экономикой. По его выражению, эта структура брала начало из США, проходила через Атлантический океан, Европу и бывший Советский Союз, чтобы достичь Тихого океана, таким образом принимая характер Евразийской дипломатии со стороны Атлантики⁵⁷.

В этой речи важно обратить внимание на следующие пять пунктов. Во-первых, термин «Евразия» с фокусом на Россию, Китай и Центральную Азию заставляет вспомнить геополитические концепции «хартленда» и

⁵¹ Kaiser, Markus. Eurasien: Neo-imperialistischer Diskurs oder gesellschaftliche Realität? Working Paper No 337, Sociology of Development Research Centre, University of Bielefeld, 2001.

⁵² Calder, Kent E. and Kim Viktoriya. Korea, the United States, and Central Asia: Far-Flung Partners in a Globalizing World. Korea Economic Institute Academic Paper Series, Number 9, Volume 03, 12. 2008. (<http://www.keia.org/Publications/AcademicPaperSeries/2008/APS-CalderKim.pdf>, p. 3)

⁵³ Kaiser, Markus. Eurasien: Neo-imperialistischer Diskurs oder gesellschaftliche Realität? Working Paper No 337, Sociology of Development Research Centre, University of Bielefeld, 2001, p. 14.

⁵⁴ Rozman, Gilbert, Togo Kazuhiko and Ferguson Joseph P. Japanese strategic thought toward Asia. New York, 2007, p. 62.

⁵⁵ Yee, Herbert and Ian Storey, eds. The China threat: Perceptions, Myths and Reality. London, 2002, p. 159.

⁵⁶ Address by Prime Minister Ryutaro Hashimoto to the Japan Association of Corporate Executives, 24.07.1997 (<http://www.kantei.go.jp/foreign/0731douyukai.html>).

⁵⁷ Ibid.

Евразии, о которых писал Халфорд Маккиндер в статье «Географическая ось истории» (1904 г.)⁵⁸. Мы не можем провести прямые параллели между геополитическим дискурсом начала XX в. и выступлением японского премьер-министра, однако геостратегический аспект его «Евразийской речи» отчетливо просматривается.

Во-вторых, Хасимото указал на связь своей идеи с действиями, предпринятыми атлантическими союзниками японцев, и сопоставил эти действия со своей собственной инициативой, продолжая намеченную ранее тенденцию «следования» Японии за другими государствами в регионе. Это препятствует восприятию мотивов японской Евразийской дипломатии как исключительно благожелательных и незаинтересованных благотворительных намерений.

В-третьих, премьер упомянул о взаимном культурном интересе Японии и Центральной Азии. «К счастью, эти страны вызывают большие ожидания от Японии как азиатской страны, и в то же время в Японии ощущается ностальгия по этому региону, восходящая к славе времен Шелкового пути»⁵⁹.

В-четвертых, Хасимото предложил три основных направления для японской внешней политики в регионе: (1) политический диалог, (2) сотрудничество в области экономики и природных ресурсов и (3) сотрудничество в поддержании мира посредством ядерного нераспространения, демократизации и содействия стабильности. Таким образом, сотрудничество было расширено за пределы ОПР⁶⁰.

Наконец, Хасимото продемонстрировал внимание не только к сотрудничеству между западными и евразийскими странами, но и к намечающемуся партнерству между Россией и Китаем, «ключевому для формирования нового международного порядка»⁶¹. Затем премьер сделал акцент на необходимости более конструктивных отношений с Россией и Китаем. Он выступил с позиций реализма, поскольку в долгосрочной перспективе упущение таких сдвигов в международной системе грозило бы вынужденной необходимостью иметь дело с союзом России и Китая, имеющих неразрешенные территориальные споры с Японией.

Кроме того, история японо-китайских и японо-российских отношений после окончания «холодной войны» была неудовлетворительной.

⁵⁸ Тезис Халфорда Маккиндера был одним из ранних геополитических концептов и был введен в оборот в контексте соперничества Российской и Британской империй за Среднюю Азию («Большой игры»), частично поддержанного британским союзом с Японией, находившейся в конфликте с Россией.

⁵⁹ Address by Prime Minister Ryutaro Hashimoto to the Japan Association of Corporate Executives, 24.07. 1997 (<http://www.kantei.go.jp/foreign/0731douyukai.html>).

⁶⁰ Rozman, Gilbert, *Togo Kazuhiko and Ferguson Joseph. P. Japanese strategic thought toward Asia*. New York, 2007, p. 231.

⁶¹ Address by Prime Minister Ryutaro Hashimoto to the Japan Association of Corporate Executives, 24.07. 1997 (<http://www.kantei.go.jp/foreign/0731douyukai.html>).

Хасимото же обозначил поворотную точку: он улучшил связи с Россией, поддержав ее присоединение к политическим дискуссиям Большой восьмерки (1997) и АТЭС (1998), а также отошел от догматической позиции своих предшественников по территориальному вопросу⁶² на двусторонних встречах с российским руководством. Китай все больше воспринимался японским оборонным истеблишментом как угроза после жесткого поведения Пекина в третьем тайваньском кризисе и ввиду продления японо-американского договора о безопасности в 1996 г.

Концепция «дипломатии Великого шелкового пути» была разработана Того Кадзухико, бывшим в то время заместителем директора департамента по делам Европы и Океании МИД. По свидетельствам очевидцев взаимодействие между премьер-министром и МИД в проведении новой политики было весьма слаженным⁶³. За утверждением дипломатической стратегии последовала организация поездки по региону высокопоставленных японских официальных лиц. Однако дальнейшему претворению стратегии в жизнь помешали несколько факторов. Среди них – отвлечение имеющихся ресурсов на борьбу с Азиатским экономическим кризисом 1997–1998 гг., а также такие внутренние причины, как регулярная ротация в МИД, отставка Хасимото из-за поражения Либерально-демократической партии на выборах в палату советников в 1998 г. и отсутствие преемственности последовавших кабинетов Обути и Мори. В итоге отношения с Центральной Азией отличались «включением-выключением» и развивались медленнее, чем предусматривалось концепцией «Евразийской дипломатии»⁶⁴.

4. Дипломатия Шелкового пути при Коидзуми: новые сферы сотрудничества

В период правления Коидзуми забота о безопасности Центральной Азии стала частью противодействия дальним угрозам⁶⁵. Об этом можно судить по докладу «Восточноазиатский стратегический обзор» Национального института оборонных исследований – «мозгового треста» Министерства обороны. Обеспечение «глобальной безопасности» и борьба с терроризмом имели свое «человеческое» измерение – необходимость стабилизации государств, в которых могли скрываться члены Аль-Каиды. Произошло осознание того, что глобализация сделала Японию уязвимой даже от ситуаций и их последствий в дальних регионах, и, следовательно, для защиты своих интересов страна должна

⁶² Интервью с Того Кадзухико (Токио, март 2012 г.).

⁶³ Rozman, Gilbert, *Togo Kazuhiko and Ferguson Joseph. P. Japanese strategic thought toward Asia*. New York, 2007, p. 231.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ East Asian Strategic Review 2009 (http://www.nids.go.jp/english/publication/east-asian/pdf/2009/east-asian_e2009_08.pdf).

быть глобальным актором. Одним из результатов такого мышления стало проведение дозаправочной миссии японских кораблей, о чем уже говорилось выше.

Ввиду сложного положения и потенциала исламистской дестабилизации, Центральная Азия включалась администрацией Буша в рамки как «Большого Ближнего Востока», так и «Дуги нестабильности». Предотвращение потенциальных конфликтов в этом регионе встало и перед Японией в контексте ее союза с США и содействия в борьбе с терроризмом. В 2001 г. японское правительство предоставило Узбекистану и Таджикистану срочные гранты на сумму более, чем 20 млн. долл. США⁶⁶ с целью поддержания политической стабильности и экономического развития.

После 2000 г. одним из основных направлений японской стратегии в области безопасности все больше становится поддержка стабильных поставок природного газа⁶⁷, которым регион богат наряду с нефтью. Страны Шелкового пути, не обладающие этими ресурсами в достаточной мере, играют важную роль потенциальных транспортных коридоров для углеводородов. Кроме того, центральноазиатские запасы газа важны для Японии с точки зрения охраны окружающей среды: трансграничное морское и воздушное загрязнение Японии со стороны Китая сократилось бы, если бы КНР увеличила долю природного газа в ущерб углю в своем топливно-энергетическом балансе. Позднее Япония ачала сотрудничать с Казахстаном и Россией в сфере добычи урана. Казахстан на настоящий момент экспортирует в Японию 3–4% добытого урана, однако японские импортеры были намерены значительно увеличить эту долю до 30–40% с учетом планировавшегося тогда развития атомной энергетики в Японии⁶⁸.

В то же время в японском подходе к Центральной Азии в начале 2000-х годов можно усмотреть и логику более широких глобальных коалиций. Согласно киргизскому исследователю Эсену Усубалиеву, в 2002 г. Япония способствовала укреплению отношений между Узбекистаном и США, включая открытие американской военной базы в Ханабаде, необходимой для поддержания операций в Афганистане⁶⁹. Внешняя стратегия Узбекистана с момента получения независимости включала как стремление к лидерству в регионе, так и постоянное маневрирование между великими державами: Россией, США и Китаем.

⁶⁶ Rozman, Gilbert, Togo Kazuhiko and Ferguson Joseph P. Japanese strategic thought toward Asia. New York, 2007, p. 232.

⁶⁷ Akiner, Shirin, ed. The Caspian: politics, energy and security, School of Oriental and African Studies Central Asia research forum, London, 2004, p. 286–287.

⁶⁸ Abiru, Taisuke. The Tokyo-Moscow-Astana triangle: strategic partnership in nuclear energy is inevitable, Security Index No. 3 (85), Volume 14, p. 117–118.

⁶⁹ Усубалиев, Эсен. Политика Японии в Центральной Азии – геополитический аспект. East Time, 4 апреля 2007 г. (<http://easttime.ru/analitic/3/9/150.html>).

Согласно бывшему послу Японии в Узбекистане Кавато Акио, в 2002 г. президент Узбекистана Ислам Каримов, скорее всего, выбрал ориентацию на Запад, чтобы предотвратить потенциальное колониальное подчинение России⁷⁰. Он посетил Вашингтон в марте 2002 г. и подписал соглашение о стратегическом партнерстве, затем побывал в Японии, где предложил аналогичное партнерство руководству страны.

В силу ряда внутривосточных событий в Японии ее сотрудничество с центральноазиатским регионом продвигалось медленными темпами. Однако в конце 2003 г. отдел Центральной Азии МИД подвергся кадровой перестановке, и новое руководство было настроено на улучшение связей. Эта организационная перемена стала причиной первой институционализацией взаимодействия в виде форума «Центральная Азия плюс Япония». Он был создан после визита в Казахстан, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан бывшего тогда министра иностранных дел Кавагути Ёрико в августе 2004 г. Дипломатам удалось создать формат, способный функционировать без необходимости регулярного одобрения со стороны кабинета министров⁷¹. В 2003 г. японские дипломаты в регионе стали неофициально обсуждать идею центральноазиатской организации, подобной АСЕАН и включающей в себя официальных лиц стран региона.

Представляется интересным тот факт, что изначально японские государственные деятели рассматривали возможность присоединения к Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), но решили, что Япония, как единственное западное капиталистическое государство (sic), может оказаться использованной другими членами ШОС в своих интересах, и склонились к формату «Центральная Азия плюс Япония»⁷². Таким образом, иерархические представления о международной структуре в японском стратегическом мышлении сохранились. Во время упомянутого визита Кавагути активно подчеркивала важность соблюдения прав человека и развития демократии, впоследствии выделив три принципа в отношениях с регионом: «уважение разнообразия, конкуренция и координация, открытое сотрудничество»⁷³. Такое сочетание апеллирования к демократическим ценностям и уважения местной страновой специфики совпадало с подходами японской дипломатии Великого шелкового пути в 1990-х годах.

Вовлечение Японии в центральноазиатские вопросы отличалось некоторой двойственностью в отношениях с западными партнерами страны.

⁷⁰ Rozman, Gilbert, Togo Kazuhiko and Ferguson Joseph P. Japanese strategic thought toward Asia. New York, 2007, p. 232.

⁷¹ Akiner, Shirin, ed. The Caspian: politics, energy and security, School of Oriental and African Studies Central Asia research forum, London, 2004, p. 235.

⁷² Ibid., p. 234.

⁷³ Policy Speech by Yoriko Kawaguchi, Minister for Foreign Affairs of Japan, at the University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan on August 26, 2004, Adding a New Dimension: Central Asia plus Japan (<http://www.mofa.go.jp/region/europe/uzbekistan/speech0408.html>).

Име дело с «жесткими» угрозами безопасности, подобными ситуации в Афганистане, она сотрудничала с США, однако в сфере экономики и мягкой безопасности, как-то проблемы прав человека или перехода к демократии, демонстрировала автономную позицию и даже соперничество с Западом. Наиболее показательным случаем этой двойственности была реакция Японии на события в Андижане, где в 2005 г. восстание в этом узбекском пограничном городе было жестоко подавлено властями. США и Евросоюз раскритиковали действия правительства этой страны, и ЕС ввел санкции. Узбекистан совершил геостратегический маневр, противоположный развороту на Запад в 2002 г. и начал улучшать отношения с Россией и Китаем. Японская реакция на события в Андижане не содержала публичного осуждения.

В августе 2006 г. Коидзуми даже отправился в Казахстан и Узбекистан с кратким визитом, став первым и пока единственным японским премьером, посетившим эти страны⁷⁴, а также первым «западным» лидером, побывавшем в Узбекистане после андиджанской трагедии⁷⁵. Однако он не сформулировал какой-либо новой региональной стратегии, а делал лишь заявления о необходимости сотрудничества в области энергетики. При этом он призвал частный бизнес взять здесь на себя ведущую роль. В Казахстане японский премьер подписал меморандум о сотрудничестве в мирном использовании атомной энергии и в развитии добычи урана. Кроме того, его визит совпал с легкой «оттепелью» в отношениях Узбекистана с ЕС и США⁷⁶. Постоянным на фоне различных перегруппировок в регионе оставался вклад Японии в социально-экономическое развитие и энергетическое сотрудничество.

5. Китайское измерение дипломатии Великого шелкового пути: Япония и ШОС

Фокус японской центральноазиатской политики Японии на ОПР был использован для определения курса на развитие и демократизацию как преобладающую движущую силу японского присутствия в регионе⁷⁷. Однако такой взгляд может быть оспорен примером японской реакции на инцидент в Андижане. Япония иногда отстранялась от позиций Запада, занимая менее требовательную позицию в вопросах демократизации

и авторитаризма в развивающихся странах (например, в Мьянме)⁷⁸. В случае с Центральной Азией такая позиция Японии совпала с критическим отношением к ШОС, высказанным, например, бывшим послом в Узбекистане А. Кавато, считавшим его антизападным и антияпонским формированием, или Сайто Цутому, главным редактором правоконсервативной газеты «Санкэй Симбун». Во время встречи в Бишкеке с участниками программы Японского агентства по международному сотрудничеству (JICA) для молодых лидеров в Центральной Азии, Сайто заявил, что странам региона следует отказаться от сотрудничества с КНР в рамках ШОС и поддерживать более дружественные отношения с Западом.

Япония и ШОС обе заинтересованы в поддержании мира, стабильности и развития в регионе⁷⁹. Целями ШОС являются, в частности, «поддержание совместных усилий по упрочению и обеспечению мира, безопасности и стабильности в регионе»; «движение к установлению нового, демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка»⁸⁰. На практике первая цель предусматривает борьбу с угрозой исламского радикализма, имеющего место в Киргизстане, Таджикистане и Узбекистане. Члены ШОС – КНР, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Россия поддержали позицию узбекских властей в Андижане. Согласно ШОС⁸¹, андиджанские волнения были инспирированы радикальными исламистами. Западные правительства почти единогласно осудили Узбекистан.

С другой стороны, ШОС можно рассматривать как инструмент влияния России и Китая в Центральной Азии⁸². Российские устремления – это обеспечение стабильности в ближнем зарубежье, сотрудничество в сфере природных ресурсов. Для пекинских лидеров ШОС во многом является средством поддержания безопасности по соседству с сепаратистски настроенным Синьцзян-Уйгурским автономным округом (СУАО), граничащим с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном⁸³. Однако официальный Пекин также активно продвигал экономическое

⁷⁸ Rozman, Gilbert, Togo Kazuhiko and Ferguson Joseph P. Japanese strategic thought toward Asia. New York, 2007, p. 14.

⁷⁹ Press Release of Central Asia plus Japan Dialogue/Senior Officials Meeting, 4 March 2005 (<http://www.mofa.go.jp/announce/announce/2005/3/0304-2.html>)

⁸⁰ SCO official website (<http://www.sectsco.org/EN/brief.asp>).

⁸¹ Human Rights Overview: China, Human Rights Watch, 18 January 2006 (<http://www.hrw.org/english/docs/2006/01/18/china12270.htm>).

⁸² Казанцев, Андрей. Большая игра с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М., 2008; Len, Christopher, Uyama Tomohiko, and Hirose Tetsuya, eds. Japan's Silk Road Diplomacy: Paving the Road Ahead, Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008 (http://www.isdp.eu/images/stories/isdp-main-pdf/2008_len-et-al-eds_japans-silk-road-diplomacy.pdf).

⁸³ Clarke, Christopher M. Xinjiang – Where China's Worry Intersects the World, YaleGlobal, 19 March 2010 (<http://yaleglobal.yale.edu/content/xinjiang-where-chinas-worry-intersects-world>).

измерение сотрудничества в рамках ШОС в интересах укрепления китайского экономического присутствия в Центральной Азии, которое растёт с момента независимости стран региона.

В военном плане российское военное присутствие в Центральной Азии наиболее существенно: войска РФ дислоцированы в Киргизии и Таджикистане⁸⁴, тогда как все страны региона, за исключением Туркменистана, являются членами Организации договора о коллективной безопасности. После смягчения советско-китайских трений в 1980-х годах и частичной демилитаризации границы (как известно, ШОС появилась как преемник комиссии, занимавшейся демаркацией границы между Центральной Азией, Китаем и Россией) китайское военное присутствие в регионе сводится к силам безопасности в СУАО. Однако Пекин весьма чувствительно отнесся к размещению войск США в Карши-Ханабаде (Узбекистан) и Манасе (Киргизия). В 2005 г. страны ШОС сделали заявление в котором потребовали от США свернуть военные базы в регионе⁸⁵. Впоследствии американские войска были выведены из ханабадской базы в ноябре 2005 г. по требованию правительства Узбекистана, а база в Манасе сменила формат на центр транзитных коммуникаций, несмотря на противодействие со стороны России и Китая. Тем не менее, ни российско-китайско-американская напряженность, ни другая специфика ШОС не выявила достаточных подтверждений тезиса об антияпонской направленности этой организации. Высказывались и предложения о сотрудничестве Японии с ШОС, например, экспертом Хоккайдского университета Ивасита Акихиро⁸⁶.

Китай: балансирование или вовлечение?

На рубеже веков и в начале XXI в. Китай активно развивал экономические и политические отношения в АТР, особенно концентрируясь на Юго-Восточной Азии (ЮВА). КНР укрепила связи с АСЕАН посредством зоны свободной торговли, договора о дружбе и сотрудничестве в ЮВА и Декларации о поведении в Южно-Китайском море. Пекин отказался от применения силы в разрешении споров. Параллельно он выступил посредником между режимом в Мьянме и другими заинтересованными участниками⁸⁷. Эти процессы проходили одновременно с китайским вовлечением в ШОС и могут рассматриваться как часть «мирного подъема» посредством интеграции в региональную систему и ее платформы. Такая китайская стратегия на начальных порах принесла

плоды и укрепила доверие: все страны отвергли идею сдерживания Китая и признали, что Региональный форум АСЕАН является скорее средством социализации КНР, нежели сдерживания⁸⁸.

В этом контексте разумно задаться вопросом о возможности проведения параллелей между упомянутым андиджанским инцидентом и содействием Мьянме со стороны премьер-министра Хасимото в 1997 г. несмотря на тяжелое положение этой страны в области соблюдения прав человека и соответствующую критику со стороны США. Хасимото счел помощь Японии необходимой для предотвращения потенциального «дрейфа» Мьянмы в сторону Китая. Курс Хасимото на сближение с Мьянмой предусматривал ОПР как основное средство давления и конкурировал с западным подходом. Некоторые японские исследователи назвали такую политику «тихой дипломатией»⁸⁹. Если японская азиатская дипломатия пыталась реагировать на китайское продвижение в ЮВА со второй половины 1990-х и в правление Коидзуми⁹⁰, то стоит попробовать применить эту логику к японской политике в Центральной Азии⁹¹.

По сравнению с Восточной Азией центральноазиатские страны лишены таких препятствий для японской дипломатии, как память о Второй мировой войне и опасения усиления Японии. Кроме того, она представляет для них модель развития. Можно утверждать, что китайский опыт постепенного перехода от коммунизма к капитализму тоже нередко берется как пример в республиках бывшего СССР. Однако для государств Шелкового пути стоит задача сохранения независимости и предотвращения вовлечения в орбиту синоцентричной системы, которую они уже испытали на себе в истории расширения Цинской империи⁹² (например, при завоевании государства джунгаров в XVIII в.⁹³). Также, во время «культурной революции» более 70 тыс. беженцев покинули СУАО, чтобы укрыться в Центральной Азии⁹⁴.

Беспокойство по поводу «китайской угрозы» слабее в странах, которые не имеют общей границы с КНР, например, в Узбекистане⁹⁵. Напротив, государства-соседи, особенно небольшие по размеру, а именно Киргизия и

⁸⁸ Ibid., 2005, p.54.

⁸⁹ Takeda, Isami. Japan's Myanmar Policy: Four Principles. Гайко форуму, No.154, (май 2001).

⁹⁰ Rozman, Gilbert, Togo Kazuhiko and Ferguson Joseph. P. Japanese strategic thought toward Asia. New York, 2007.

⁹¹ Shambaugh, David, ed. Power Shift. China and Asia's New Dynamics. Berkeley, 2005, p. 52–53.

⁹² Казанцев, Андрей. Большая игра с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М., 2008, p. 347.

⁹³ Michael Edmund Clarke. In the Eye of Power (doctoral thesis), Brisbane, 2004, p. 37; Peter Perdue. China marches west: the Qing conquest of Central Eurasia, p. 283–87. A. Dirk Moses. Empire, Colony, Genocide: Conquest, Occupation, and Subaltern Resistance in World History, 2008, p. 188.

⁹⁴ Ibid.

⁹⁵ Burles, Mark. Chinese Policy toward Russia and the Central Asian Republics. RAND Corporation, 1999 (http://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1045/p.54).

⁸⁴ The Military Balance 2010, pp. 364, 366, 372, 373

⁸⁵ China, Russia-led alliance wants date for U.S. pullout, USA Today, 05.07.2005 (http://www.usatoday.com/news/world/2005-07-05-asia-summit_x.htm).

⁸⁶ Вагакуни но юрасиа гайко – Сянхай кёрёку кико о тюсин ни (Евразийская дипломатия нашей страны – ШОС «в фокусе»), Нихон кокусай мондай кэнкюдзё, март 2007 г.

⁸⁷ Shambaugh, David, ed. Power Shift. China and Asia's New Dynamics. Berkeley, 2005, pp. 32–33.

Таджикистан, проявляют озабоченность⁹⁶. Даже отношение Казахстана, который можно отнести к региональным лидерам, в отношении возрастной зависимости от Китая сочетает алармизм и прагматизм.

Признание официальным Токио Китая основной потенциальной угрозой было впервые сформулировано в «Основных направлениях национальной оборонной политики 2004 г.»⁹⁷, а также подтверждено в новейшей редакции этого документа в 2011 г. Однако, беспокойство по поводу усиления Китая прослеживается и в 1990-х годах⁹⁸.

Изменение международной обстановки после «холодной войны» поставило Японию перед новой дилеммой безопасности: отношения в треугольнике с США и Китаем. Найти ответ на усиление КНР стало одним из центральных вопросов повестки дня японской дипломатии. Как заметил автор концепции Евразийской дипломатии Хасимото бывший дипломат К. Того, Япония хочет избежать двух кошмаров: конфликта между США и КНР и сближения США и КНР в обход Японии, подобное так называемому шоку Никсона начала 1970-х годов⁹⁹. Нахождение оптимальной комбинации балансирования и вовлечения Китая стало одной из задач японской дипломатии со второй половины 1990-х, и, судя по всему, выйдет за пределы первого десятилетия XXI в. Как полагает Самуэльс, в поисках оптимального консенсуса Япония должна найти способ стратегической конвергенции, приемлемый для США и привлекательный для КНР¹⁰⁰.

Потенциальные партнеры для такой перестраховки могли бы найтись в Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Некоторые исследователи упоминали в этом отношении Тайвань и Монголию¹⁰¹, Австралию¹⁰², Индию¹⁰³. Правительство Коидзуми активно пыталось предотвратить движение России к Китаю.

Линия на соперничество в японо-китайских отношениях при Коидзуми отразилась в различных японских инициативах. Примером служит визит премьера в ЮВА в 2002 г., активизация усилий по улучшению связей в

области безопасности с различными странами на южных и западных границах Китая, включая как Индию, Пакистан и Афганистан¹⁰⁴, так и Центральную Азию. Последняя с учетом ее стратегического географического положения и обильных ресурсов могла выступать одновременно как препятствие китайской экспансии и как партнер в вовлечении Китая, поскольку стабильность и демократизация в Центральной Азии имели бы положительное влияние на турбулентный Синьцзян.

С точки зрения реалистской парадигмы международных отношений, еще одной исторической параллелью отношениям между Японией и Центральной Азией, пусть далекой и радикальной, могло бы служить содействие Франции Польше по укреплению польского национального государства в межвоенный период XX в. Оно происходило из обеспокоенности обеих стран в отношении Германии. Польша, как бывшая часть империи, опасалась рецидива со стороны Германии или России, а Франция воспринимала Германию как основного потенциального противника. Очевидно, что такое сопоставление имеет строгие ограничения, поскольку в отношениях Японии и Центральной Азии нет и отдаленного намека на военный альянс, подобный польско-французскому. Коренным образом отличается и современная международная обстановка в области безопасности от ситуации между Версальским договором и нападением Третьего Рейха на Польшу, не говоря уже о невозможности сравнения современного Китая и Веймарской республики или Третьего Рейха. Тем не менее, в рамках теории баланса сил, сильная и стабильная Центральная Азия могла бы быть для Японии тем же, чем была для Франции Польша – естественный барьер по другую сторону от экспансивного соседа. В этой статье не утверждается, что такое представление присутствовало или присутствует среди лиц, принимающих решения в Японии или Центральной Азии. Однако в нем присутствует сходство, пусть ограниченное, основ для сотрудничества: отсутствие общих границ и территориальных споров, а также коллективное внимание за поведением усиливающегося соседа.

Официальное восприятие Японией расширения Китая

В открытой форме возможность балансирования Китая через Центральную Азию японскими официальными лицами практически не упоминается. Вместе с тем, «точки внимания» к усилению КНР в Японии совпадают хронологически с центральноазиатскими инициативами. Первая попытка вовлечения Китая имела место при правлении Хасимото после третьего Тайваньского кризиса 1995–1996 гг., тогда же, была сформулирована Евразийская дипломатия в отношении России, Китая и стран Шелкового пути. Стоит упомянуть, что в бытность министром

⁹⁶ Ibid., p. 52.

⁹⁷ Tow, William T., Thomson, Mark J., Yamamoto Yoshinobu and Limaye, Satu P. Asia-Pacific Security. US, Australia and Japan and the New Security Triangle. London, 2007, p. 95.

⁹⁸ Yee, Herbert and Ian Storey, eds. The China threat: Perceptions, Myths and Reality. London, 2002, p. 151.

⁹⁹ Rozman, Gilbert, Togo Kazuhiko and Ferguson Joseph. P. Japanese strategic thought toward Asia. New York, 2007.

¹⁰⁰ Samuels, Richard J. Securing Japan. Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia. , NY., 2007, p. 201.

¹⁰¹ Chung, Jae Ho. East Asia Responds to the Rise of China: Patterns and Variations, Pacific Affairs: Volume 82, No.4 Winter 2009–2010, p. 660.

¹⁰² Ibid.; Tow, William T., Thomson, Mark J., Yamamoto Yoshinobu and Limaye, Satu P. Asia-Pacific Security. US, Australia and Japan and the New Security Triangle. London, 2007, p. 92;

Абэ Синдзо. Уцукусий куни э [К прекрасной стране], Токио, 2006, p. 160.

¹⁰³ Абэ Синдзо. Уцукусий куни э [К прекрасной стране], Токио, 2006, p. 159.

¹⁰⁴ Sutter, Robert G. China's rise in Asia: promises and perils. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, 2005, pp. 125–126.

финансов в начале 1990-х Хасимото, с одной стороны, был сторонником сближения с Китаем и возобновления ОПР после событий на площади Тяньаньмэнь, а с другой – сохранял связи с фракцией Мори, активно вовлеченной в отношения Японии и бывшего СССР.

Второе примечательное событие произошло в 2004 г., когда Китай впервые был обозначен, как потенциальная угроза в оборонной доктрине, и тогда же был учрежден форум «Центральная Азия плюс Япония», и последовала критика ШОС. Бывший премьер Абэ Синдзо¹⁰⁵ упомянул о важности сотрудничества с Центральной Азией в своей программной книге «К прекрасной стране» (2006) в той же главе, где обосновывалась необходимость партнерства Японии с Индией и Австралией¹⁰⁶. В дальнейшем, пристальное внимание к Центральной Азии и вовлечению Китая были совмещены в книге-манифесте Асо Таро. В ней вновь говорится о концепции «Дуги свободы и процветания», протянувшейся через легко уязвимые страны, расположенные преимущественно в Азии, где требовался вклад Японии в дальнейшие демократические реформы и стабильность, т. е. ценностно-ориентированная дипломатия, согласно автору. В книге есть глава о странах Шелкового пути, расположенных в этой нестабильной зоне. Помимо центральноазиатских стран, в дугу входят Камбоджа, Лаос, Вьетнам, Грузия, Азербайджан и Украина. Многие из них (а именно, Центральная Азия, Камбоджа, Вьетнам и Лаос) разделяют обеспокоенность в отношении усиления Китая, в котором они усматривают потенциальный вызов своей безопасности.

Уязвимость центральноазиатских республик метафорически описывается Асо как «внутренняя континентальная магма». Он предлагает три основы для японской политики в Центральной Азии: безопасность и развитие (чтобы «охладить магму»), открытое региональное сотрудничество и универсальные ценности. В заключении главы высказывается идея интеграции Афганистана в структуру «Центральная Азия плюс Япония»¹⁰⁷.

Такой подход может рассматриваться как последовательный в контексте прошлых центральноазиатских инициатив Токио. Более того, Асо рассматривал их и как аспект сотрудничества с Западом и НАТО, что перекликалось с обоснованием Евразийской дипломатии Хасимото и «догоняющей» логикой в отношении сближения Европы и Центральной Азии в начале 1990-х. Кроме того, в кабинете Хасимото Асо служил генеральным директором управления экономического планирования, разделял взгляды премьера на отношения со странами Шелкового пути

и являлся членом высокопоставленных делегаций, посетивших регион после речи Хасимото.

Вместе с тем, внутренняя несогласованность снова воспрепятствовала развитию и проведению инициативы, как и в случае с Евразийской дипломатией после Хасимото. Во время премьерства Абэ инициатива Глобального партнерства НАТО начала ослабляться, а внешнеполитические взгляды премьера не совпадали с Асо, поскольку Абэ больше интересовал отношения с Индией и Австралией. В 2007 г. Матимура Нобутака сменил Асо на посту главы МИД, а Фукуда занял кресло председателя ЛДП. Ни Матимура, ни Комура Масахико, возглавивший МИД при прокитайски настроенном Фукуда, не продолжили идею «Дуги свободы и процветания». Такие перемены, с одной стороны, не препятствовали прохождению диалога «Центральная Азия плюс Япония», но с другой, не давали импульса к серьезному развитию, оставляя диалог на уровне формальных встреч.

Концепция «Дуги свободы и процветания» истолковывалась как политика балансирования Китая¹⁰⁸. В то же время она не была воплощена при правлении Абэ, Фукуда и Асо¹⁰⁹ по нескольким причинам: недостаточная преемственность и последовательность курса, постоянная смена приоритетов, ориентация Фукуда на Китай и срочная необходимость борьбы с финансовым кризисом 2008–2009 гг. как внутри Японии, так и за ее пределами.

Заключение

В данной статье проанализировано сотрудничество Японии с Центральной Азией в годы после «холодной войны» через призму японских представлений о безопасности того времени. Японские руководители неоднократно формулировали дипломатическую стратегию по отношению к Центральной Азии, хотя нередко в реагирующем, а не проактивном духе. Эта стратегия была последовательной, пока не подвергалась воздействию структурных проблем процесса принятия решений: частых смен руководства, недостатка координации различных ведомств, ротаций внутри МИД и переносе внутреннего равновесия при Коидзуми от фракций и бюрократов в кабинет министров. Японская дипломатия на центральноазиатском направлении эволюционировала в соответствии с воспринимаемыми императивами безопасности политической элиты, такими, как адаптация к новой международной структуре сразу

¹⁰⁸ Lee Cheng-hung. Japan's arc of freedom shifting the balance. Taipei Times, Thursday, Aug 30, 2007, p. 8; интервью с бывшим сотрудником Министерства экономики, торговли и промышленности (Токио, февраль 2012 г.).

¹⁰⁹ Len, Christopher, Uyama Tomohiko, and Hirose Tetsuya, eds. Japan's Silk Road Diplomacy: Paving the Road Ahead, Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008 (http://www.isdp.eu/images/stories/isdp-main-pdf/2008_len-et-al-eds_japans-silk-road-diplomacy.pdf, p. 47).

¹⁰⁵ Samuels, Richard J. Securing Japan. Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia. NY, 2007, p. 15.

¹⁰⁶ Абэ Синдзо. Уцукусуй куни э (К прекрасной стране), Токио, 2006, с. 161.

¹⁰⁷ Асо, Таро. Дзюто ханьэй но ко (Дуга свободы и процветания). Токио, 2007, с. 220–234.

после окончания «холодной войны», противодействие угрозе международного терроризма после 11 сентября 2001 г. и политика в отношении усиления Китая. В своей внешней политике в регионе Япония продемонстрировала больше согласования со своими американскими и европейскими партнерами в вопросах «жесткой безопасности» и сохраняла более автономную линию в области экономического сотрудничества и социального развития.

Японо-американские отношения во внешней политике ДПЯ

О. А. Добринская

Смена власти в любой стране всегда вызывает определенные ожидания и опасения ее внешнеполитических партнеров. Это относится и к Японии, где долгие годы почти бессменно у руля оставалась одна и та же Либерально-демократическая партия, чья внешняя политика была вполне предсказуемой. Победа оппозиции не могла не вызывать некоторой озабоченности в Белом доме. Демократическая партия Японии уже давно была известна довольно жесткой позицией по вопросам, так или иначе затрагивающим японо-американский союз, выступая за более независимую от США внешнюю политику и за укрепление связей с Восточной Азией.

Приход к власти демократов в США и Японии произошел с небольшим разрывом во времени. Так же как в США новый президент стал символом надежды и перемен, так и победа ДПЯ в Японии означала, что население устало от несменяемости власти и требует обновления в политической жизни. Неудивительно, что даже в лексиконе американского президента и японского премьер-министра постоянно фигурировали почти одни и те же фразы о «победе народа» на выборах и об исторических переменах, которые она несет¹. Немало схожих положений содержалось и во внешнеполитических программах обоих лидеров. И Б. Обама и Ю. Хатояма в ходе предвыборной кампании делали акцент на глобальных проблемах, на вопросах изменения климата и энергетики. Оба говорили о важности «мягкой силы» и необходимости решать вопросы переговорным, а не военным путем, что давало основания оптимистам говорить об общности взглядов двух лидеров, которая могла бы лечь в основу новых отношений между странами².

В то же время американскую сторону не могли не беспокоить лозунги, выдвинутые ДПЯ в ходе предвыборной кампании. «Манифест» партии, опубликованный в июле 2009 г., гласил, что Япония будет строить тесные и равноправные отношения с США. С этой целью она

¹ Кодзи Мурата. Хатояма сэйкэнка-но нитибэй канкэй (Японо-американские отношения в период правления Ю.Хатояма) // Мондай то кэнкю. (Проблемы и исследования). Декабрь 2009, с. 57. Тайваньский институт международных отношений – (http://iir.nccu.edu.tw/attachments/journal/add/10/___1-3.pdf).

² Obama goes to Asia. Understanding the President's trip. 06.11. 2009. The Brookings institution. (http://www.brookings.edu/events/2009/1106_obama_asia_trip.aspx).